

монографии коротко освещает вопрос о роли кельтского завоевания и кельтского царства в истории Фракии (стр. 433—449). Авторская позиция в этом вопросе сводится к тому, что основные волны кельтского нашествия прокатились по Македонии, Северной Греции и Малой Азии, Фракия же была затронута этим нашествием гораздо слабее и что разрушительная роль кельтов в этой стране не могла быть столь значительной, как она представлялась Полибию и некоторым следующим за древним историком современным исследователям. Не отрицая совершенно роли Кельтского царства в Тиле, Хр. Данов, указывает, что оно не могло быть сколько-нибудь значительной силой в окружении гораздо более мощного фракийского массива. Концепция Хр. Данова представляет значительный интерес, но для ее обоснования еще требуются специальные исследования, всесторонняя аргументация и разбор аргументов сторонников иных взглядов. Глава в рассматриваемой книге может считаться скорее авторской заявкой на постановку этого вопроса, чем попыткой его решения.

Из приведенного разбора основного содержания книги Хр. Данова видно, что книга эта состоит как бы из отдельных очерков или этюдов, посвященных различным сторонам истории древней Фракии до III в. до н. э. Некоторые вопросы этой истории разработаны в очерках исчерпывающе подробно, другие рассмотрены более конспективно, третьи только упомянуты. Этот очерковый характер книги нельзя ставить автору в вину. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Хр. Данов стремился в рецензируемом труде уделить главное внимание тем вопросам, которые либо не были до сих пор рассмотрены в многочисленных более ранних работах автора, либо требуют критического пересмотра. Оценивая книгу Хр. Данова, нельзя не принимать во внимание тот вклад, который внес автор в изучение истории Фракии и Западного Черноморья своими предшествующими трудами. Совокупность всех его исследований, включая и рассматриваемую книгу, касается почти всех

сторон экономической, политической и культурной жизни древней Фракии. Понятно стремление автора не повторяться в тех разделах истории, которые с достаточной полнотой были освещены в его других трудах, и тем самым не увеличивать объем и так весьма солидной книги. И все же нельзя не отметить, что такой прием в известной мере вредит целостности впечатления от книги и затрудняет ее восприятие читателем, не знакомым с вопросом специально. Это особенно заметно в первой части работы, в историко-коведческом параграфе, где авторы второстепенные с точки зрения их сведений о Фракии (архаические лирические поэты и др.) характеризуются иногда подробнее и обстоятельнее, чем основные источники — Гомер, Геродот, Фукидид, только потому, что этим основным источникам были когда-то посвящены специальные статьи Хр. Данова. В этой неравномерности один из основных недостатков рассматриваемой книги. Другим общим недостатком является слабое использование автором археологического и нумизматического материала (об этом мы уже говорили в применении к отдельным частным вопросам) и как следствие недостаточно полная разработка вопросов экономического развития, для решения которых именно эти источники дают основной материал.

Однако оценивая работу Хр. Данова в целом, следует признать, что несмотря на наличие отмеченных недостатков она является примечательным событием в античной историографии. Широта замысла и тематического охвата, разнообразие поставленных вопросов, привлечение широкого круга источников и огромной исследовательской литературы делают новую книгу Хр. Данова весьма ценной для изучения древней истории Балканского полуострова. Отсутствие в современной литературе общих работ по истории Фракии и настоятельная потребность в такого рода книгах еще более повышают значение выхода в свет этого труда.

Т. Д. Златковская, Д. Б. Шелов

I. GERSHEVITCH, *Old Iranian Literature* (Handbuch der Orientalistik. I Abteilung. Der Nahe und der Mittlere Osten. Hrsg. von B. Spuler. IV Bd. Iranistik. II Abschnitt. Literatur. Lief. 1), Leiden — Köln, 1968, 30 стр.

Первая (лингвистическая) часть четвертого тома этого издания, опубликованная 10 лет тому назад¹, уже завоевала прочное признание среди специалистов. Только что вышедшая в свет работа И. Гершевича, посвященная древнеиранской литературе, составляет первый выпуск второй (литературоведческой) части указанного тома.

В работе рассматриваются древнейшие памятники иранской письменности — древнеперсидские клинообразные надписи (§ 7—14), авестийские тексты (§ 16—43), а также сведения о мидийском (§ 2), сакском (§ 3—4), древнеперсидском (§ 15) эпосе, отрывочные упоминания о котором донесли до нас Геродот, Ктесий, Страбон и другие античные авторы².

Трудности, стоявшие перед автором, будут понятны, если учесть, что всего лишь на 30 страницах текста он должен был осветить множество сложных и спорных вопросов, связанных с анализом памятников древнеиранской письменности; если учесть, что историческое, историко-культурное и лингвистическое значение этих памятников начали осознавать уже в конце XVIII в.³ и что за последние два столетия создана и продолжает интенсивно нарастать совершенно необъятная литература, посвященная их изучению. При этом состояние самих памятников, их фрагментарность, сложность истолкования, отсутствие в ряде случаев необходимого исторического контекста порождают многочисленные, часто противоречивые теории, связанные с пониманием тех или иных текстов, историй их сложения и записи и т. п. Единственная возможность заключалась в том, чтобы, отбросив все второстепенное,

принадлежащее уже в значительной мере истории науки, сосредоточиться на краткой характеристике описываемых памятников, на основных проблемах и методах, связанных с их изучением. По этому пути и пошел автор.

Изложив вкратце вопрос о письменности и письменных языках на территории Ахеменидской державы (§ 5—6), автор переходит к анализу собственно древнеперсидских надписей. Справедливо отмечая, что надписи поздних Ахеменидов состоят почти исключительно из формул и оборотов, уже известных по надписям Дария I и Ксеркса (§ 7), И. Гершевич связывает этот факт со все большим внедрением в практику арамейского и эламского языков и письма, в результате чего профессиональные писцы утрачивали постепенно навыки составления древнеперсидских текстов и ограничивались в основном копированием фраз из надписей Дария (Addendum, стр. 30).

Как по объему, так и по историко-литературной своей значимости Авеста — важнейший памятник древнеиранской словесности, и вполне естественно, что именно проблемам авестологии посвящено две трети всего рецензируемого очерка (стр. 10—28). И. Гершевич уже рекомендовал себя исследованиями в этой области⁴, и раздел очерка, посвященный Авесте, составляет несомненно наиболее важную и наиболее интересную его часть. Здесь рассматривается вопрос о локализации языка Авесты (§ 16), история сложения и записи канонического авестийского текста (§ 17—18), состав и относительная хронология дошедших до нас частей Авесты (§ 19). Последующие параграфы (§ 20—23) посвящены Гатам (песнопениям) — древнейшим (в языковом отношении) и наиболее трудным для интерпретации частям Авесты, восходящим, возможно (полностью или частично), к творчеству самого Заратуштры. Во всяком случае, в шести Гатах речь ведется от имени Заратуштры (в 1 л. ед. ч.) (§ 16). По языковым признакам к Гатам примыкают и некоторые другие главы и фрагменты (§ 24), входящие, как и собственно Гаты, в ту часть канона, которая называется Ясной.

¹ «Handbuch der Orientalistik». Hrsg. von B. Spuler. I Abteilung. IV Bd. Iranistik. I Abschnitt. Linguistik. Mit Beiträgen von K. Hoffmann, W. B. Henning, H. W. Bailey, G. Morgenstierne, W. Lentz, Leiden-Köln, 1958.

² Для ретроспективного суждения об эпосе скифо-сарматско-аланских племен привлекается также (с надлежащими оговорками) материал знаменитых осетинских нарских сказаний, сохраняющих весьма архаичные мотивы, восходящие, возможно, к фольклору древних скифо-аланов.

³ Первые переводы авестийских текстов на европейский язык относятся к 1771 г. (Anquetil Duperron, *Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre*, 1—3, P., 1771). В 1802 г. был найден ключ к чтению древнеперсидской клинописи (Г. Гротенд).

⁴ I. Gershevitch, *The Avestan Hymn to Mithra. With an Introduction, Translation and Commentary*, Cambr., 1959, 357 стр.; он же, *Zoroaster's Own Contribution*, JNES, XXIII, 1964, 1, стр. 12—38 (некоторые соображения, высказанные в последней статье, исправляются или уточняются автором в рецензируемом очерке — см. Addendum, стр. 30).

При попытке интерпретации текста Гат исследователь сталкивается с рядом грамматических трудностей, со множеством слов, значение которых остается непонятным; все это осложняется чрезвычайной эмоциональностью этих песнопений, отрывочностью мысли, отсутствием логической связи между следующими друг за другом строфами. Как справедливо замечает И. Гершевич, лишь в толковании немногих строф Гат существует единодушие между учеными, и два специалиста, независимо друг от друга анализирующие тот или иной текст, лишь по счастливой случайности могут прийти к более или менее совпадающим результатам (§ 20). Рассматривая различные методы интерпретации Гат, автор отдает предпочтение методу, основанному на анализе пехлевийского (среднеперсидского) перевода непонятных слов Гат; при этом должны быть использованы, разумеется, все возможности, предоставляемые значительно возросшим за последние десятилетия объемом наших знаний об иранской лексике (§ 21). Гаты и примыкающие к ним в языковом отношении главы и фрагменты Ясны составляют примерно одну шестую часть дошедшей до нас Авесты. Остальные пять шестых авестийского текста образуют так называемую «Младшую Авесту», для которой характерен менее архаичный, чем в Гатах, «младоавестийский» (*jungawestisch*) диалект. Если Гаты представляют при этом дуалистическую религиозную доктрину основателя вероучения, доктрину, в центре которой стоит Ахурамазда, то «Младшая Авеста» — это священные книги некоей синкретической религии, в которой наряду с Ахурамаздой почитаются и многие другие божества (Митра, Анахита, звезда Тиштрия, божество ветра Вайю и т. п.). Вероучение, представленное в Гатах, автор предлагает обозначить термином «заратуштризм» (от др.-ир. *Zaradustra-*), сохранив за политеистической религией «Младшей Авесты» термин «зороастризм» (§ 19). Впрочем, как поясняется далее (§ 26), «зороастризм» представляет скорее совмещение, наложение друг на друга (*a juxtaposition*) различных иранских верований, включающий в себя и резко ему противоречащее вероучение Гат («заратуштризм») (§ 26). Таким образом, автор приходит к уже высказывавшемуся (в частности в советской иранистике) мнению, что дошедшая до нас в остатках редакция Авесты отражает компромисс между древними народными верованиями в обожествленные силы природы, с одной стороны, и относительно более поздней религиозно-философской концепцией Заратуштры, с другой. Сопоставляя религиозное мировоззрение «Младшей Авесты» с некоторыми фактами истории Ахеменидского Ирана (упоминание в надписях Артаксеркса II наряду с Ахурамаздой Митры и Анахиты, введе-

ние около середины V в. до н. э.⁵ так называемого зороастрийского календаря), И. Гершевич высказывает предположение, что именно к этому времени (середина V в. до н. э.) «зороастрианизм» получает официальное признание в Ахеменидской державе и что к этому же времени может быть приурочена первая письменная фиксация Авесты⁶.

Далее автор останавливается на структуре и относительной хронологии различных частей, составляющих «Младшую Авесту», справедливо указывая на относительно позднюю дату большинства фаргардов (глав) Видевдата (Вендидада) и некоторых других разделов, посвященных в основном ритуальным предписаниям, правилам очищения от скверны, искуплению грехов и тому подобным сюжетам, регулирующим повседневный быт правоверного зороастрийца. Заслуженное внимание уделяется Яштам — древним гимнам, посвященным обожествленным силам природы и восходящим в ряде случаев к древней мифологии времен индоиранской общности. Нелзя не согласиться с автором, когда он отмечает высокую литературно-художественную ценность этих гимнов, резко отличающихся по своей живописности,⁴ по яркому своему колориту от остальных авестийских текстов, носящих в большинстве морально-дидактический, ритуальный или литургический характер (§ 29—30).

Как явствует из заключительного примечания (стр. 30), рецензируемый очерк был представлен автором еще в 1955 г. и лишь в незначительной мере отредактирован в 1959 г. Отчасти этим обстоятельством и объясняется, по-видимому, тот факт, что обширная литература, посвященная рассматриваемым в очерке вопросам и вышедшая в свет за последнее десятилетие, не нашла в нем своего отражения. Укажу для примера на дискуссию, возникшую вокруг вопроса о времени введения древнеперсидской клинописи. И. Гершевич принимает в этом вопросе точку зрения Хинца (W. Hinz), согласно которой первым памятником этого письма была Бехистунская надпись

⁵ Согласно выкладкам известного персского специалиста в области древнеиранской хронологии Тагизаде (S. N. Taqizadeh) в 441 г. до н. э.

⁶ Это не должно, разумеется, означать, что к указанному времени восходит само содержание этих текстов. По мнению большинства советских ученых, основная часть Авесты отражает историко-культурные условия доахеменидского времени. См., например, М. М. Дьяконов, Сложение классового общества в Северной Бактрии, СА, XIX, 1954, стр. 121—140; И. М. Дьяконов, История Мидии, М. — Л., 1956, стр. 47—48 и другие работы.

(§ 7). Указанная точка зрения имеет немало сторонников, однако против нее были выдвинуты и серьезные аргументы, не нашедшие отражения в рецензируемом очерке⁷. Помимо хрестоматии Рейхельта (H. Reichelt), появилась теперь и русская хрестоматия по Авесте (с грамматическим очерком и глоссарием)⁸ и ряд других общих и специальных работ на русском языке, трактующих вопросы, которым посвящен рецензируемый очерк.

Автор стремится обратить внимание читателя на историко-культурное значение описываемых памятников, справедливо указывая, что даже мертвяще педагогические предписания Видевдата позволя-

ют увидеть за ними определенные реалии, характерные черты повседневной жизни общества, в котором эти предписания создавались. Заслуженное внимание уделяется также тем мифологическим сюжетам и образам Авесты, которые нашли свое отражение и дальнейшее развитие в пехлевийских сочинениях, в знаменитом героическом эпосе «Шах-наме», во всей истории персидско-таджикской литературы.

Использование Авесты как источника по истории и истории культуры Средней Азии и сопредельных территорий было начато еще в прошлом веке⁹ и в последнее время — в связи с широким размахом историко-культурных исследований в среднеазиатских республиках — привлекает все большее внимание советских ученых¹⁰. Широко используется советскими историками-востоковедами и такой бесценный источник, как древнеперсидские надписи¹¹. Рецензируемый очерк, посвященный этим древнейшим памятникам иранской письменности, принесет несомненную пользу в дальнейшем их изучении. Советские иранисты-филологи, историки Средней Азии и Ирана с нетерпением ожидают выхода в свет следующих выпусков этого издания, равно как и новых работ такого компетентного специалиста по Авесте, как П. Гершевич¹².

И. М. Оранский

⁷ См., например, J. L e v i, The Problems Inherent in Section 70 of the Bisutun Inscription, «Hebrew Union College Annual» (Cincinnati), 25, 1954, стр. 169 сл.; J. K u r y ł o w i c z, Zur altpersischen Keilschrift, в кн.: J. K u r y ł o w i c z, Esquisses linguistiques («Polska Akademia Nauk. Komitet językoznawcze», 19), Wrocław — Kraków, 1960, стр. 274—280; И. М. Дьяконов, ВДИ, 1964, № 3, стр. 177—179; И. М. Оранский, ВДИ, 1965, № 1, стр. 209 и прим. 22; ВДИ, 1966, № 2, стр. 107 сл.; R. G h i r s h m a n, JNES, XXIV, 1965, 3, стр. 244—250 (последняя работа в рецензируемом очерке упомянута). Полный обзор этой дискуссии см. C. N y l a n d e r, Who Wrote the Inscriptions at Pasargadae? «Orientalia Suecana», XVI, 1968, стр. 135 сл. Последняя из известных мне работ В. Хинца по этому вопросу (W. H i n z, Die Entstehung der altpersischen Keilschrift, «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», NF, I, 1968, стр. 95—98) представляет новую попытку подкрепить его теорию, попытку, основанную на этот раз на анализе расположения трех версий Бехистунской надписи и знаменитого рельефа на Бехистунской скале. Не имея возможности вдаваться здесь в подробности этого анализа, ограничусь только замечанием, что некоторые выводы этой статьи представляются явно натянутыми.

⁸ С. Н. Соколов, Язык Авесты, [Л.], Изд-во ЛГУ, 1964.

⁹ Наиболее важной работой XIX в. в этой области является известная монография Гейрепа (W. G e i g e r, Ostiranische Kultur im Altertum, Erlangen, 1882).

¹⁰ В первую очередь здесь должны быть названы основанные на изучении Авесты главы «Истории таджикского народа» (т. I «С древнейших времен до V в. н. э.», под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963), особенно гл. III (стр. 137 сл.).

¹¹ Из последних работ: М. А. Дандамаяв, Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н. э.), М., 1963.

¹² Одним из западноевропейских издательств объявлена уже монография этого автора, посвященная Авесте (I. G e r s h e v i t c h, Die Erforschung des Avesta).